

Борис Фирсов

Европейский университет в Санкт-Петербурге

ТЕОДОР ШАНИН BLOW UP: ОСНОВАТЕЛЬ РЕФЛЕКСИВНОГО КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЯ

К тому времени, когда читатель доберется до этих страниц юбилейной книги, он будет знать, что юбиляр отдал СССР и России едва ли не полвека упорного научного труда. Это было нелегким делом, если принять во внимание, что первый визит в нашу страну состоялся в 1961 году, когда иностранцев с трудом впускали в научные институты, не говоря уже о слежке, целью которой было установление «враждебных замыслов» в отношении первого в мире социалистического государства. И все-таки Теодор настойчиво преодолевал все трудности. Уже в те годы его коллегами, а затем и пожизненными друзьями стали социолог Владимир Ядов, экономист Татьяна Заславская, географ и историк Лев Гумилев, историк Виктор Данилов. С Даниловым их прочно спаяла неизбежная страсть к познанию Великого Незнакомца — русского и советского крестьянина. Сейчас в это трудно поверить, но с Даниловым они общались, придумывая уловки. Разновременно выходили из Ленинки (где британец сидел вместе с академиками, а советский историк Данилов в общем зале), но затем встречались в условленном месте и ходили по улицам и говорили. Позднее Шанин «стал приезжать к нему домой, но никогда не предлагал этого первым, ибо лишь Богу было известно, к чему это приведет». А с Львом Гумилевым они встречались в курилке, обязательно в присутствии третьих лиц. Цитирую Теодора: «Чтобы не оставаться одним, чтобы потом кто-то не сказал, что он передавал мне какие-то секреты или брал от меня какие-нибудь деньги. Была девушка, которая сидела рядом и видела, что он мне ничего не передавал. И я ему ничего не передавал. Так вот это и работало». Теодор, как мог, помогал своим советским коллегам, привозил книги сам, отправлял книги и письма с охотой. За это бескорыстие, дружбу с советскими учеными и бесстрашную любовь к правде о нашей стране он был наказан советскими властями, несколько лет ему не выдавали визу на въезд в СССР.

С конца 80-х годов Шанин принимает активное участие в перестройке общественных наук в России. В 1988 году на заседании ВАСХНИЛ Шанин разорвал могильную тишину вокруг имени профессора Александра Васильевича Чаянова, который погиб в тюрьме в

1937-м, вместо того чтобы уже в те годы быть вознесенным на гребень мировой научной славы. Теодор прочел первый после шестидесятилетнего молчания доклад об огромном значении наследия Чаянова и традиции российской аграрной науки доколлективизационного периода не только для истории, но и для современности. Вместе с академиком Никоновым Шанин проводит первый международный съезд ученых-аграрников в Москве.

Особая тема — шанинские историко-социологические проекты 1990-х годов, целью которых стала реконструкция судеб российского (советского) крестьянства. На их основе Шанин со товарищи создал новую исследовательскую традицию — рефлексивное крестьяноведение. В семнадцати регионах бывшего СССР группы исследователей-социологов, участников шанинского проекта, по 8 месяцев проживали в крестьянских семьях, деля с ними кров и хлеб. В итоге трех исследований был собран материал по сельской России. Первое из них — автобиографии 124 сельских семейств из 25 сел 8 регионов страны (Русский Север, Нечерноземье, Черноземье, Поволжье, Степной Юг, Сибирь, Калининградская область), которые охватывают время от начала коллективизации до наших дней. Вкупе с историческими описаниями сел эти биографии демонстрируют генетическую связь социальной истории и исторической социологии. Правильно выбранный человеческий масштаб, «взгляд снизу», голос сельского жителя в беседе на завалинке или за семейным столом, интерес исследователя к тому, что думают и говорят не спеша реальные люди, как они видят и себя, и окружающую жизнь, позволил поставить под сомнение многое из того, что заявлялось как «взгляд сверху»¹. Отбор семей был делом непростым — кто-либо из членов семьи должен был помнить начало коллективизации, и к тому же из первых рук. Это означало, что к началу коллективизации им должно было исполниться 16–17 лет. Так появился верхний предел для даты рождения — 1913–1914 годы. 16 лет — немало по деревенским меркам, в деревне взрослеют раньше, чем в городе. В 1990 году найти памятливых стариков 75 лет от роду было сравнительно непросто. Через 3–4 года задача была бы невыполнимой!² Важно было понять, что использовать память неискушенных, доверчивых людей нельзя для

¹ Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. С. 22

² Там же. С. 495.

прагматических целей и только для них. Люди хотели выговориться и по отношению к исследователям выступали в роли «просветителей», «учителей», открывателей крестьянской повседневности¹. В итоге семейные истории приобрели статус универсального первоисточника. Они дали возможность посмотреть не только на каждого из членов семьи, но и на жизнь крестьян в целом. Версии одних и тех же событий позволяют преодолеть aberrации и услышать ранее «неслышимых» — свидетелей событий «снизу». Сознательный отказ от редактирования позволил преодолеть жесткость, неумеренный лаконизм и схематизм в изложении событий.

Читатель получает возможность прикоснуться к миру насилия и смерти, страданий и лишений, предательства и ненависти, бесчеловечности и коррупции, разбитых семей и потерянных поколений. Можно обнаружить силу простых чувств, человеческого тепла, тягу к выражению индивидуальности, стремление поделиться опытом, способность к шутке, иронии, надежду на лучшую жизнь, желание любить и быть понятым, готовность отдать последнее, мужество². Исследователи по 8 месяцев жили в крестьянских семьях, деля со своими информантами кров и хлеб, ходили вместе с ними повсюду, помогали всяческим образом, рассказывали о последних новостях и т.д. В ответ на это крестьяне заплатили прямой, честностью, открытостью, искренностью, они проявили мужество, излагая тяжелые стороны прожитой жизни. Так вошли в национальную память воспоминания обо всем — юности, мечтах, надеждах, страхах, радостях, страданиях, учебе, работе, отношениях с людьми. Так стали известными мироощущение крестьян, взгляды на политику и религию и многое другое, остался сохраненным аромат народной речи. Как сказал один из шанинских помощников-интервьюеров: «Они говорят с нами, как будто бы ждали нас пятьдесят лет: тридцать лет боялись говорить, а далее двадцать лет их никто не слушает».

Лучший способ поздравить ученого мужа со знаменательной датой в прожитой жизни — выразить ему благодарность за безупречное служение Истине. Неопровержимые свидетельства этого служения я прилагаю в виде голосов крестьян — участников шанинского проекта.

¹ Там же. С. 495–496.

² Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / Сост. Е.М. Ковалев. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 4.

Жизнь в колхозе

Из главы 2. **Нечерноземье.** История семьи Грачевых (с. 41–76).

Вспоминает Сергей Леонтьевич Грачев — высокий, медлительный, слабого здоровья, ходил тяжело, опираясь на палку, лицо изуродовано шрамом. Родился он в 1916 году. Из-за ранения в челюсть говорит не очень разборчиво, сам стесняясь этого. Вдумчивый и наблюдательный собеседник, похож на человека, получившего хорошее образование, хотя кончил всего четыре класса. Смолоду не пьет и не курит, чем сильно отличается от большинства сельских мужиков. Склонен к философским размышлениям и рассуждениям о жизни и о судьбе страны. Так его характеризует интервьюер С. Ковалева. Запись относится к 1992 году. Грачев: «И вот я однажды пришел из школы, залез на печку, слышу — они за столом примерный устав читают, как там все должно быть. «Работайте сообща, вам будут начислять трудодни. Что достанется — в конце года будут подсчитывать по трудодням...» Вот так у них получается в розовом свете. А дедушка лежал на кровати и говорит: «Захара» — он: «Чай?» — «А говорят, все под одним одеялом спать будем?» — «Здесь не написано этого». Вот они этот устав читают и говорят: «Ты посмотри, как все хорошо будет». А я все слушаю. Но меня все это не тревожит, и я представляю, как это все хорошо будет, если коллективно. А потом вот и узнали, как хорошо». «А в колхозы загнали людей — урожаи сразу стали падать, начался падеж скота. Кто сопротивлялся — тех посадили, а кто поумнее — взял да и уехал. Вот и стали из деревни разъезжаться. В деревне рабочей силы не осталось. А тогда — вот будем 1929 год брать — техники-то еще никакой не было — лошадка. А план давали — у нас 24 дома деревня была, так план доводили 12 га льна. Кажется, это вроде немного. Но какой тяжелый труд, Боже мой. Тербили его руками, мяли его вручную, мялки деревянные наделаны были. Еще трепать его надо было. Женщины целую зиму руки морозили. Ни за что, совершенно ни за что. На трудодень стали давать очень мало зерна, 200 г зерна да 20 копеек в день. Это попробуй-ка прожить! А потом решили держать свою коровушку, так стали облагать налогом. Надо было сдать государству 380 л! 38 ведер! Кадку нужно было сдать государству молока. 45 кг мяса. Теленок-то уже не мне идет, а я его пою да в государство сдаю. Шерсть, яички, это все надо было государству сдавать. План доведен, надо его выполнять. А косить на корову, в основном перебивались, кто как мог. По кустам, да по лесу, да кто где найдет. Но накашивали. А корова — это всё. Без нее уже и прожить было нельзя...».

«А разрушали церковь коммунисты. Вот у нас в Лесном (поселок на севере Тверской области. — Б.Ф.) председатель сельсовета был такой, Смирнов, коммунист, и был такой из ОсоАвиаХима, Поваров, так они забрались на церковь, колокол сбросить, а тут народ собрался, чуть их отпуда не сбросил. Две церкви рядом стояли — одна кирпичная, другая деревянная. Вот где кирпичная, сейчас сельхозтехника расположилась, построили постройку, церковь хотели разобрать на кирпич, воспользоваться кирпичом. И ничего не вышло. Кирпич не снять с раствора. Вот такой делали раствор. А рядом с церковью стояла... вроде часовенки, маленькая такая будочка, и начали ее ломать. И ничего, ни одной кирпичины, все идет на лом.*Ее взять с раствора невозможно. Ну, церковь ломали и бросили, оставили ее в середине этих построек, это в Лесном. А такая красота-то была! Боже мой! И все это разрушили, да потом и граждане уже отступились, потому что видят, что уже всё. Начали раскулачивать и тех, кто в Бога верит, начали их прижимать, начали преследовать...».

Из главы 4. **Поволжье**. История семьи Семеновых (с. 135–193).

Рассказчица — Антонина Степановна Семенова. Бабушка Тоня, по словам В. Виноградского, ее интервьюера, обладала уникальной памятью на события, на людей, на разговоры, на происшествия, которые она слышала и видела давным-давно. На хуторе Суходолка (часть села Кудеяры Новобурасского района Саратовской области), где она прожила всю свою жизнь, с ней любили поговорить, посоветоваться, услышать ее суждения о событиях в деревне и за ее пределами... Несмотря на полную слепоту в течение более чем 50 последних лет ее жизни, она сама готовила пищу, стирала, мыла полы, чинила одежду, собирала яйца из куриных гнезд, запирала кур. Говорила с натуральным юмором, совершенно не стремилась понравиться кому бы то ни было. В суждениях была самостоятельной, судила обо всем резко и умно, хотя иногда в ее словах проглядывали наивная детскость и неискушенность. Время записи воспоминаний — 1990–1992 гг. Семенова: «Да, много, много пропало: церковь, плотинки, мельницы, масленки, пруды. Вон, в Ненароковке был пруд Сперанского, помещика или князя, не знаю. Сад какой у него был возле пруда! Дерево к дереву, трава шелковая, дорожки. И все это для дела было. Пруды, скажем. На них ведь мельницы работали! А на прудах — мельники, поскольку держали гусей, утков. А сейчас? Нет гусей. И прудов нет... Вот раньше у всех сады были на задах. И вишня росла, и смородина росла, и груша, и яблоки, и сливы... Жили, прудились, землю обрабатывали. И на все силы хватало, все ус-

певали... Раньше-то по зимам мы не ходили в родник, потому что там заносило все снегом. Мы ходили на речку — с речки пили. Ну, такая же родниковая вода и в речке была. А сейчас, погляди! Все заросло, и речки-то не видать. Да вон и Волгу-то, говорят, всю засрали». «А вот еще чего расскажу... Придем в колхоз, дадут нам наряд — поедem на станцию Бурасы... бочку машинного масла привезти... на быках, зимой. Это легко сказать! А у меня ни обуви, ни одежки как следовало не было. Коленки-то без штанов были. Иду вот эдак-то за быком, а его ведь надо все время погонять! Его хлыснешь, хлыснешь, а он задницу свою эдак повернет и опять идет по-своему... Он, чай, бык, а не лошадь! И вот я иду за быком. Байковой одеялкой накрылась... А Варюшка за мной бежит, говорит: «Тонька, неужто ты без штанов?!» Я говорю: «Без штанов, да». Она: «Да что же ты не надела штанишки-то?» Я ей: «Да где же это я их возьму-то — штаны?» Она опять: «Чай, Ленины бы какие-нибудь взяла бы». Говорю ей: «Да как же я с Лени спашу? Спащу я, а он будет без штанов на ремонте в МТСе работать?!»

Ну, поговорили, и она говорит: «Садися». Села я, и она мне колени завязала. У нее пряжка была — лоб повязывать, так она ее пополам разорвала. Сижу, а из-под саней дует. Мне холодно. Опять я слезла, иду пешком за санями-то. А ведь это 50 км — взад вперед. Туда — 25 и отполь 25... Это было в году 1935-м. Да и в 1936 и в 1937 годах мы эдак же на станцию на быках ездили. Зимой».

«Вот завтра голосование будет. Не голосование, а какая-то «референда»... Я не пойду! Ко мне раз пришли — «На выборы», мол. Я говорю: «Меня стреляй, я не пойду». Спрашивают: «А за кого будешь голосовать?» Я говорю: «За всех кряду!» Так и дураят нас. Нет, надо к старому поворачивать! Чтобы обратно порядок был. Землю людям надо давать, чтобы самостоятельно прудились».

Из главы 5. Юг. История семьи Калиновых (с. 233—309).

Рассказчица — Ольга Семеновна Калинова. Выносливый, довольно крепкий для ее возраста человек (родилась в 1902 году). Живет в собственном доме, отдельно от дочерей, живущих тут же, рядом. За своей скотиной ухаживает сама, вплоть до того, что сама скотину поит водой, принесенной из глубокого степного колодца. Разговор ее, несмотря на возраст, по-своему умен, богат подробностями минувшей жизни. Воспоминания Калиновой способны внушить читателю мысль о закономерности, приемлемости и даже некоей фатальности крестьянского существования. Тяжелый труд, бедность, зависимость от начальства — все это уйдет в подтекст. А на поверхности — нормаль-

ная обыденность, привычные структуры повседневности. Так обрисовал свою собеседницу интервьюер В. Виноградский. Запись произведена в 1992 году. Калинова: «Когда красные победили, они всему стали свои названия давать. «Красный Октябрь», «Солдат Революции»... Когда у нас участки давали после революции, один и говорит: «Я служил в революцию, и мой участок хочу, чтоб назвали «Солдат революции!» И вот, бывало, едут в степь косить и говорят: «Вот тут, недалеко, «солдат революции», а мы уж — за ним».

«Когда колхозы уже начинались, у нас домик уже был сделанный. И рамы, и двери — все он, Павло (муж. — Б.Ф.), поделал. А стекла не было... Так вот, раньше портреты [вождей] вешали на стену. Мы с этих самых портретов повытаскивали стекла да два окна кое-как застеклили. А остальные соломой заткнули».

«Как деньги нам трудом доставались! Тыквенных семечек на беру и продаю стаканом. Стакан был в дому единственный, а дети разбили его... Так бумажкой его подвязала и ходила так на базар, семечки продавала».

«Я считаю, что, значит, кто богато жил, — счастливые люди. Но все равно, видишь, на них грех пришел. Как революция застала, оно все у них прахом пошло, богатство-то. Я не завидовала на богатство. И не хочу быть богатой. Так, нормально надо жить, и все. И чтоб своим трудом все это нажить. Вот это я люблю. А чтоб это таким — побочным, чужим, темным, — это нет. Нет... Наша семья, вся наша родня и я — не любим мы этого. А свой труд — это главное!» «Я крестьянство знаю и люблю — больше ничего не люблю так. Я знаю, что там лодыри не работают. А если бы абы какую, то и лежебоки работают. Вот видите, в городе люди придут домой, им делать нечего там. Они и лежат. А в деревне это никогда нельзя! Тут не ляжешь, не бросишь — мол, Бог с тобой! Видишь, и я люблю такую работу. Может, поэтому я так долго и живу... А если бы я сидела, я б зажирела, что и жопу не подняла».